

Валентина Федоровна Кулдошина :

Самое тяжёлое детское воспоминание - видеть героев войны, ею искалеченных. Сколько таких людей было вокруг: без рук, без ног, слепых... Так и врезались в память и в сердце навсегда лица инвалидов на самодельных тележках на колесах... Некоторых никто не вез, они сами отталкивались от земли деревяшками. Даже сейчас, когда смотрю фильм «Вечный зов» и вижу на экране Кирьяна, слез не остановить. Как в детстве.

...Отец, Федор Матвеевич, ушел на фронт. Жили мы у бабушки в небольшом частном доме. Условия – и войну, и после - и вспоминать-то страшно... На 18 метрах обитали 15 человек, из них девять взрослых. Бабушка, пять маминых сестёр с детьми, жена погибшего на фронте маминого брата с дочкой, мы с мамой... На двух кроватях спали две супружеские пары. Большую печь занимали на ночь бабушка и две внучки. Непонятно, как в доме умещались лежанка и койка... остальные устраивались на полу. Летом мама, я и сестра селились в одном из чуланов. Их было три, в виде пристройки к дому. А зимой все вместе теснились у печки. Мама и ее сёстры работали на Тейковском комбинате. Бабушка управлялась по дому, а мы, дети, тоже имели свои трудовые обязанности, особенно две двоюродные сестры Лида и Геля, которые были постарше, и как умели, опекали меня. Так вот, взрослые работали, тяжело работали, уставали, и мы тоже не сидели, сложа руки... Геля с Лидой учились уже в школе, а я ещё была только в детском саду. Но к выходным мы все вместе должны были вымыть полы: в коридоре, в чулане. Кстати говоря, полы были некрашенные, поэтому мы использовали песок кирпичный, - тёрли кирпичи друг от друга. И вот с их помощью и веничка, или как мы его называли – «голечки» из прутиков натирали-драили каждую половицу. Медный самовар тоже песком чистили. И я не любила это занятие больше всего, потому что он успевал потемнеть за неделю, так как в нём и яйца варили, и кисель заваривали... Тогда не то что газа, ничего не было. Только керосин, расходовали его экономно, так же и печку топили. Многие спрашивали: «А как же в таком возрасте вы справлялись с такими обязанностями?» Ответ был прост, тогда это было в порядке вещей. Просто, пришлось быстрее взрослеть...

Хорошо помню, как пошла в первый класс... Собирала меня бабушка: нарезала из тоненьких прутиков малины палочки, завязала по 10 штук тряпочками, сложила в узелок – это для арифметики, а в один из специально

сшитых для чернильницы-«непроливайки» мешочек привязала к портфелю, он мне в «наследство» от кого-то достался, это для чистописания... Чернила, самодельные, сразу же стали почему-то проливаться, палочки рассыпаться...

В том же моем первом учебном году случилось счастье – нам дали комнату в коммунальной квартире на улице Верхний Фабричный двор в деревянном доме с печным отоплением и выгребными ямами-туалетами – на восемь семей. У девочки Люси, соседки, с которой я подружилась, пришел с фронта отец, слепой и без рук. Он был танкистом. Когда вернулся, ему рукава пришивали к карманам и за рукав водили. Но мы, конечно, завидовали: живой же вернулся! На весь дом - только двое мужчин...